

Ведьмак двадцать третьего века

Автор:

Владимир Мясоедов

Ведьмак двадцать третьего века

Владимир Михайлович Мясоедов

Ведьмак двадцать третьего века #1

Для одного молодого человека, которого угораздило как-то повстречаться с настоящим демоном, наступила полоса невезения, в результате чего он вынужден терзаться многочисленными вопросами и самостоятельно находить на них ответы. У него остался всего один глаз? Да. Это Россия? Кажется, все-таки да. Москва? Похоже. Местами. Только нет пробок, многоэтажек и Кремля. Зато есть паровые роботы, маги и куча проблем. Век? Ну, все говорят, что двадцать третий... Ах да. Еще он подлежит призыву, и отказаться от службы в армии нет никакой возможности.

Владимир Мясоедов

Ведьмак двадцать третьего века

Пролог

Жизнь иногда может делать весьма неожиданные повороты. На прошлой неделе у тебя было все: любящие родители, которым хватало денег, чтобы регулярно баловать сына подарками; заботливый и опекающий старший брат; репутация двукратного победителя в молодежных соревнованиях по дзюдо... Место на втором курсе престижного вуза, по праву заработанное собственным

интеллектом. Крепкое здоровье, лишь иногда омрачающееся периодическими простудами или расстройствами желудка после невымытых фруктов. А сейчас осталась только больничная палата и не успевшая толком запылиться фотография семьи на тумбочке. И рядышком еще одна – с могильными плитами, на которых выбиты такие знакомые имена.

Олег не смог сдержать в очередной раз нахлынувших на него слез и вцепился зубами в подушку, чтобы его рев не будил других обитателей палаты. Нет, на сон посторонних людей парню было в общем-то плевать... Но прошлый раз, когда тихие всхлипывания разбудили одного из соседей, лежащий напротив старик заткнул источник посторонних звуков подушкой. И держал ее на лице враз осиротевшего юноши достаточно долго, чтобы тот почти успел задохнуться.

Визит в парк развлечений, где свихнувшиеся на чувстве собственной избранности националисты устроили теракт, разделил его жизнь на «до» и «после». Взрыв убил родных и перечеркнул собственную судьбу парня раз и навсегда. Нельзя жить, если парализовано все ниже плеч, сломан позвоночник, а к заменяющему почки аппарату тебя возят по расписанию один раз в два дня. Только существовать. Плохо, недолго и вместе с такими же безнадежными больными, лишь более везучими. Они хотя бы нос сами почесать могут. Или внятно поговорить с родственниками, друзьями, врачами... Попавший под взрыв Олег практически откусил себе язык и временно потерял способность к членораздельному общению. Он даже не мог пожаловаться на вредного старика, регулярно кроющего его матом по надуманным поводам и однажды чуть не убившего. И парень серьезно опасался, что так и не успеет высказать дряхлому подонку в лицо все желаемое. Состояние Олега медленно ухудшалось. И происходило это куда быстрее, чем подживал едва не откушенный напрочь и пришитый обратно хирургами язык.

Внезапно объект его неприязни заворочался на больничной койке и сел, откинув запятнанное чем-то одеяло. Олег приготовился нечленораздельно заорать изо всех оставшихся сил, если вредный пенсионер сделает хоть шаг в его сторону. Однако старику было не до соседей. Он достал из находящейся рядом с кроватью тумбочки небольшую икону, положил ее себе на колени и что-то неразборчиво забубнил. Парень мог разобрать лишь отдельные слова, такие как «гной», «кал», «раб». Видимо, старик выспался и решил, что настало уже самое время для его ежедневной утренней молитвы. Бормотание втекало в уши, словно неимоверно громкий и раздражающий комариный зуд. Третий

и последний обитатель палаты, мужчина лет сорока с очень бледным лицом, заворочался на своей постели и поднял голову. Очевидно, его сон оказался прерван этим своеобразным будильником. Парень облизал растрескавшиеся губы и неожиданно понял, что он очень хочет пить.

– Позовите врача! – постарался сказать Олег максимально внятно, но получилось у него лишь нечто вроде «Авты афа!». К тому же достаточно тихое и малоотличимое от шепота. Впрочем, внимание молящегося старика этот звук все-таки привлек. А вот тот, к кому и обращался больной, просто улегся обратно на постель, перевернулся на другой бок и опять уснул.

– Очнулся, гаденыш беспутный! Ну, чего ты на меня zenки свои бесстыжие тарачишь? Небось когда здоровый был, девок направо и налево охаживал, дрянь всякую пил, в свальном грехе участвовал! За грехи Господь наказал тебя! Молись! – Старик прервал свои воззвания к высшим силам и проворно соскочил с койки. Олег не знал, почему этот пенсионер находится в одном помещении с теми, кто только-только вышел из реанимации. Но подозревал, что дело вредного старикана просто перепутали с бумагами какого-нибудь бедолаги. Уж больно резво тот носился для почти умирающего и слишком активно приставал с разными бредовыми поучениями ко всем, кому не повезло оказаться в зоне его досягаемости. – Молись, паскуда, и чти Господа нашего! Н-на тебе! Н-на! Проси Всевышнего о помиловании грехов своих! Да че ты гримасничаешь, мерзавец?! Не смей отворачиваться, когда я тебя уму-разуму учу!

– Ава! Уы! – только и сказал Олег, когда окончательно свихнувшийся старик принялся бить его своей иконой по губам. В оригинальном звучании это должно было звучать как «Сука! Уйди!», но проблемы с речью у парня так никуда и не исчезли. Впрочем, после пятого или шестого хлопка старик утомился и ушел обратно на свою кровать, бурча что-то о свальном грехе и распутницах. Скорее всего, он вспоминал собственную молодость, поскольку парень об оргиях имел лишь самое общее теоретическое представление. Да он себе даже одной-единственной девушки как-то еще не завел. Думал, что все успеет. Ошибался. – Уыаыу! Ык а ыых ыаыу!

«Ненавижу, как я вас всех ненавижу! – мысленно орал во все горло парень, от усталости и общей слабости проваливаясь не то в сон, не то в болезненный обморок. Не имеющие выхода боль, злость и страх перемешались между собой и образовали гремучий коктейль, названия которому не нашлось бы ни в одном языке. Если бы не неподвижность тела, Олег уже трясся бы в припадке.

Или скорее причинял тяжкие телесные повреждения опять принявшемуся бормотать молитвы старику, даже не догадывающемуся, в какой опасности он находится. – Маразматик! Ханжа! Тварь! Да чтоб ты провалился! Вместе с террористами! Одним миром мазаны, сволочи! Если ваш бог все-таки есть и он таков, каким вы его представляете, то лучше бы его не было! Да я демонам душу даром отдам, лишь бы к нему не идти! Они хоть не скрывают, что конченые мрази и хотят вас поиметь во всех позах!»

Олег не знал, сколько длилась его истерика, в которой он одновременно хулил все высшие силы разом и просил о помощи непонятно кого. Потерявшему возможность двигаться и говорить инвалиду просто не оставалось ничего другого, как плакать и бросаться в пустоту бессмысленными обвинениями и мольбами. Лишь через какое-то время к его полной неожиданности из ниоткуда пришел ответ, прозвучавший в голове набатом:

– Хм... А ты мне, пожалуй, подойдешь. – Голос, которым это было сказано, Олегу сразу не понравился. Высокомерный, самодовольный, холодный и злой. Его неведомому пока обладателю стоило киношных злодеев играть. Ну или хотя бы озвучивать. Впрочем, с такими вокальными данными даже самому безобидно выглядящему типу удалось бы произвести впечатление кровожадного маньяка.

«Кто вы?» – осторожно спросил Олег голос в своей голове и на всякий случай постарался повторить вопрос вслух. Впрочем, у него это все равно не получилось. Однако он оказался услышан. И даже понят. На фоне неудачных попыток общения последних дней данный факт не мог не радовать.

– А это важно? – Тон неведомого собеседника сложно было назвать приятным или даже терпимым. – Ты звал такие силы, которых смертным даже в кошмарах видеть не особо желательно. И обещал пойти на все, лишь бы тебе помогли. Я услышал, пусть и чисто случайно. Так согласен ли ты на то, чтобы мной оказалась изменена твоя судьба?

«В принципе – да, но...» – Мысли металась в голове инвалида, пытающегося сообразить, действительно он слышит чей-то голос или у него попросту началась шизофрения. Однако, судя по всему, таинственному собеседнику хватило и такого неуверенного согласия. А поставить какие-либо дополнительные условия парень просто не успел, поскольку пришла боль. Слепляющая, оглушающая, занимающая собой весь мир. Сначала она была

одной, потом другой... Калейдоскоп воистину незабываемых ощущений менялся и менялся, показывая все новые грани агонии.

- А-а-а-а! - Парень кричал и кричал, даже не думая останавливаться. Воздух в легких не кончался. Ведь у него теперь не было легких.

Когда боль прекратилась, Олег с некоторым трудом осознал себя. В виде призрака, посреди незнакомой комнаты. Почему именно призрака? Ну... Просто его руки были прозрачными, а ноги не касались пола. А еще рядом с ним находилось двое существ, обладающих не самой располагающей к душевной беседе внешностью. И потому Олег продолжил орать. По инерции и от страха.

- Чего он так вопит? Заткни его! - приказал юноша или молодой мужчина, которому с равным успехом могло быть как шестнадцать, так и двадцать пять. Темноволосый, кареглазый, несколько худощавый, но в целом выглядящий крепким. Одетый в темную, почти черную одежду, сильно напоминающую смокинг. Опирающийся на деревянную ногу, словно неудачливый пират. Насколько большим был протез, определить оказалось сложно, но как минимум ступни на правой ноге у юноши точно не имелось. Еще большее сходство с морским разбойником придавало отсутствие глаза все с той же правой стороны. Но аккуратная повязка и спадающие на эту сторону лица волосы прикрывали далеко не все увечье. На лбу и щеке до сих пор виднелся грандиозный уродливый ожог, кое-где почти обнажающий кости. Создавалось впечатление, будто голову этого типа окунули в расплавленный металл или кислоту. И подержали там немного. Но было это достаточно давно, чтобы все успело хорошенько зажить и зарубцеваться. - Не зли меня! Я еще могу расторгнуть сделку!

Глава 1

О том, как герой узнает, что ситуация всегда может стать еще хуже, открывает для себя многие грани жизни и понимает, что ему скоро придется идти учиться

- О да, маленький смертный. Вы будете в своем праве, - насмешливо ответил знакомым Олегу голосом ужасающий гибрид пережившей стероидов саблезубой гориллы и дракона. Сгорбленная трехметровая фигура опиралась

на достигающие пола передние лапы. Сквозь серую чешую клочками прорастал похожий на проволоку черный мех. Выступающая вперед крокодилья пасть с торчащими наружу кривыми клыками щерилась в оскале. Или усмешке. Рудиментарные крылья за спиной едва ли могли поднять в воздух хотя бы крупного индюка, зато хвост был тяжелым и толстым, словно бревно. Большие алые глаза без зрачка казались необычайно выразительными. Они так и источали презрение к окружающему миру пополам с самодовольством. – Могучий контракт, что держит ваша хилая ручка, дает такую возможность. Но вы всегда сможете призвать меня еще раз, дабы я выполнил взятые на себя обязательства. Или это сделает кто-нибудь другой, кто сможет воспользоваться им по праву крови.

Олег беззвучно открывал и закрывал рот, но не мог больше издать ни звука. Хотя очень хотел. Инерция недавней чудовищной боли еще смешивалась с испугом и желанием разобраться в ситуации. Парень определенно больше не находился в больничной палате. Высокий потолок, книжные шкафы вдоль стен, небольшой письменный стол, бумаги и толстенные фолианты, небрежно разбросанные по всем подходящим и неподходящим поверхностям... Выложенная черным камнем пентаграмма по всему полу. Именно в ее центре находилась странная тварь. И сам Олег. Только монстр стоял в геометрическом центре, в то время как лишенный своего умирающего тела парень висел над самым кончиком одного из лучей. А вот одноглазый и одноногий тип находился за ее пределами, на специальной подставочке вроде университетской кафедры, окруженной несколькими кругами. И в руках у него действительно находилась весьма занятного вида бумажка. Толстая, шевелящаяся, периодически вспыхивающая маленькими языками пламени и не сгорающая. Ведущая в помещение дверь неожиданно вспыхнула огнем, содрогнулась, выгнулась вовнутрь... Но потом заледенела, словно облитая жидким азотом, и все-таки осталась на месте.

– Да, другой попытки мне никто не даст, – вздохнул одноглазый и устало потер свою уродливую отметину на щеке. – Придется соглашаться на тело этого хлыща... Демон, ты точно подобрал все в соответствии с заданными условиями?

– Если отклонился от них хоть на йоту, я готов стать твоим вечным рабом. Поверь, отыскать максимально похожую на тебя личность было непросто. Но когда за дело берется такой, как я, ошибки быть не может. – Голос чешуйчатой и в то же время мохнатой твари выражал бесконечную усталость от тупости тех, кто удостоился его внимания. Примерно так же мог бы говорить

опытный военный, наблюдая за неумелыми попытками новобранцев разобрать автомат. При помощи молотка. – Руки-ноги на месте, личико в меру смазливое, мускулы тренированные, длина того, что болтается между ног, в среднестатистических для представителей человечества рамках. Происхождение умеренно высокое, близких родичей нет в живых. Наследство ему досталось достаточное, чтобы ближайшие лет десять – пятнадцать не голодать. Ни один из друзей, врагов или родичей не намерен забирать его у хозяина. Ах да, еще тебе не придется привыкать к новому имени. Только к фамилии. Считай это маленьким подарком в честь заключения нашего договора.

«Тело... Он сказал, что ему придется соглашаться на мое тело?! Что он хочет с ним сделать?! И где оно вообще?! – запаниковал Олег, не ожидающий от будущего ничего хорошего. Он вновь попытался закричать или хоть как-то выразить свое несогласие... Однако та же сила, которая не давала ему произнести ни звука, весьма серьезно ограничила подвижность утратившего материальность парня. – Нет! Пустите меня! Я не хочу!»

– Олег Коробейников! – громкий и какой-то металлический голос ворвался в комнату то ли сквозь покореженную дверь, то ли прямо сквозь стены. – Дрянной ублюдок! Немедленно отключи защиту алтарной залы, или та порка, которую я задал тебе накануне, покажется лишь легкой неприятностью! С твоей спины снимут все мясо бичом, если ты немедленно мне не откроешь!

– Может, в качестве маленького подарка ты лучше сожрешь этого старого козла? – буквально прошипел одноглазый парень, с ненавистью оглядываясь на перекореженные двери. – Система защиты поместья сейчас почти бездействует в пределах нашего особняка. Тебе никто мешать не будет. Ну, кроме дяди и его ублюдочной своры, само собой. А эти бессовестные ворюги даже с несовершеннолетним инвалидом осмеливаются связываться, только упаковавшись в боевой доспех и обвесившись защитными заклинаниями.

– Это возможно, – пожала плечами тварь в пентаграмме. – Но только за дополнительную плату. Контракт в твоей руке обеспечивает выполнение лишь одной услуги. Поэтому или новая жизнь в новом мире, где никто тебя не достанет, или убийство обожаемых родственников. Выбери.

– Малолетний сопляк! Открой немедленно! – вновь зазвучал громкий голос. – Не знаю, что ты там делаешь, но если из-за тебя придется испортить защиту

алтарной залы, тебе даже училище покажется раем по сравнению с той помойкой, в которую я тебя засуну. В бордель продам! В Турцию! Для моряков басурманских, у них как раз молодые мальчики в чести!

– Ненавижу. – Одноглазый прикрыл единственный оставшийся у него орган зрения. – Как я вас всех ненавижу! Твари! Ведете себя хуже последних скотов, а после бежите в церковь, чтобы замолить свои грехи! И будете потом жировать на украденном у меня наследстве, искренне считая себя честными и добропорядочными людьми! Чего ты хочешь, отродье Бездны?

– Э... – Бьющийся в незримых путах Олег замер, удивленный тем, что непонятный изуродованный парень в черном высказал мысли, которые лишь недавно слетали с его собственного языка. Удивительным образом у них совпадали не только внешность, но и эмоции. И, кажется, проблемы в жизни. Будто кто-то из них являлся отражением в кривом зеркале, искажающем детали, но верно передающим суть.

– Того же, что и обычно в подобных ситуациях, – снисходительно пожал плечами демон, взирая на колдуна, словно меценат на умственно отсталого годовалого ребенка, умудрившегося срыгнуть прямо на дорогой костюм благодетеля. – Душу. Твою.

– Даже не смешно, – покачал головой одноглазый и вздрогнул, когда на покрытые льдом двери обрушился новый удар. – Ведь мы оба знаем, что убийство моего дяди и его прихлебателей будет тебе не в тягость, а в радость.

Превращенный в нечто среднее между предметом мебели и товаром, Олег мысленно матерился. Нет, сначала он пытался молиться... Однако самой цензурной конструкцией из священных слов, которую он смог воспроизвести в такой момент, являлось словосочетание «Аминь, блин!». Зато оно было искренним. Очень. Особенно последнее слово. Однако никто из ангелов почему-то не спешил откликаться на душевный русский мат, спускаться с небес и поражать демона огненным мечом. Ну или иным своим штатным оружием. Впрочем, парень прекрасно понимал, что к небесам в тяжелых ситуациях взывали и куда более достойные личности, чем он. И, как правило, большую часть хороших людей вскоре после этого хоронили.

– Неумелый маг, его жена, ребяташки, охранники и слуги. – Чешуйчато-мохнатое чудовище прикрыло глаза, словно о чем-то размышляя. – Их кровь, плоть и жизнь действительно пришлись бы мне по вкусу. Но чужих душ я хочу все же больше. Впрочем, мне ничто не помешает поработать и в кредит. Давай так: я даю тебе насладиться муками и смертью врагов, а ты будешь должен мне?

– Нет, – непреклонно покачал головой одноглазый.

– Эй, речь не о пожизненном служении! – Из голоса твари пропала большая часть снобизма и презрения. – Мм... Пять обычных жертв. В течение трех лет. Или даже большего срока. Один убитый раб в год – это очень невысокая цена, не так ли? И первым из них я согласен взять тот кусок мяса, тело которого подойдет тебе для переселения. Увы, по древним законам подобные мне не имеют возможности самостоятельно забирать души смертных. Но вот если ты сам скуешь ее, а потом отдашь мне...

– Нет, – повторно покачал головой одноглазый, вызвав у впавшего было в панику Олега настоящее море облегчения. – Меня это не устраивает. Он занимает мое тело, а я – его. Все будет честно. Относительно. Я верю в принципы равновесия и не собираюсь обречь на столь чудовищную участь кого-то, кого в первый раз вижу.

– Глупая смертная обезьяна! – раздраженно дернул хвостом демон. – Ну почему ты отказываешься? Почему?!

Дверной косяк треснул, что-то за ним громко заскрежетало, и в помещение вновь ворвался механический голос.

– Запорю до смерти! – Теперь неизвестный оказался не просто разозлен, он буквально истекал бешенством. – Как ты включил активную защиту, поганец?! Ты хоть знаешь, сколько стоит новый автоматрон? Да у него одна голова дороже, чем весь ты целиком!

– Слишком условия хорошие предлагаешь, когда я в безвыходной ситуации, – пожал плечами одноглазый, с ненавистью взирая на держащуюся из последних сил преграду. – Обычно с тех из смертных, которые не способны оторвать голову высшему демону, ваше племя куда больше требует. Где-то точно есть подвох. Остается лишь надеяться, что он не очень большой. Все-таки контракт должен

ограничивать твою свободу в плане причинения мне вреда.

«Дурак! Идиот! Блондинка перекрашенная!!! Ты зачем с демоном связался?! Он же тебя обманывает! – мысленно проорал одноглазому Олег. – Никто ничего у меня не заберет из наследства родителей, поскольку всем будет проще дождаться смерти! Что там до нее осталось-то! Недели две? Три?»

– Так, а ну-ка дай возможность мне поговорить с этим... Хм... – Парень в черном наконец заметил кривляния своего пленника. И, кажется, даже о чем-то догадался. – Ты говорил, нас одинаково зовут?

Промороженные двери разлетелись облаком быстро сгорающих щепок. А за ними стоял... Стояла... Стояло... Олег не мог однозначно классифицировать данный объект. Цилиндрическое тело, суставчатые руки и блеск заменяющей плоть бронзы принадлежали однозначно механизму. С другой стороны, на шарообразной голове каким-то образом оказалось женское лицо, выглядящее вполне живым. Одежды в виде пестренького платья робота, наверное, не носят. Да и выдающиеся вперед на груди выпуклости однозначно указывали на пол данного существа. Вдобавок его окружало несколько плавающих вверх и вниз в воздухе светящихся колец, выглядящих как нечто, состоящее из чистой энергии.

– Регистрирую присутствие существа восемнадцатого ранга опасности. – Голос то ли женщины, а то ли андроида прозвучал очень знакомо. Примерно так же говорил тот, кто обещал продать одноглазого в бордель. Олег даже заподозрил на секунду, что попал в какое-то странное место, где роботы держат людей в рабстве. – Рекомендую вызов сдвоенного патруля, усиленного боевым священником. Отчет о столкновении с существом, внесенным в реестр особо опасных, по эфирной связи отправлен городничему.

– Чего ты несешь, убогая железяка?! – Вошедшее первым в помещение существо покачнулось и сделало несколько шагов вперед, получив мощнейший тычок в спину. А следом появился и тот, кто его нанес. Человек в гибриде рыцарского доспеха и высокотехнологичного скафандра. Серая кираса была украшена легкоузнаваемым изображением распятия, руки и ноги прикрывали сцепленные между собой железные пластины, в паре мест бугрящиеся коробками непонятных механизмов. Голову загорелого мужчины лет сорока закрывал рыцарский шлем, от которого куда-то за спину уходил шланг противогаса. А руки цепко сжимали кнут. Видимо, тот самый, которым он грозился запороть

до смерти одноглазого. Однако стоило его глазам, прикрытым стеклянными линзами шлема, повстречаться с алыми бельмами чешуйчатой твари, как мертвенная бледность разлилась по лицу вошедшего. А выпущенное из руки оружие с глухим стуком упало на пол. – А... О... Ол-леженька... Т-ты... с-смог и-использовать н-наградн-ную п-печать о-отца? Ол-леженька, н-не делай гл-глупостей. П-пожалуйста...

Какой-то аналог динамиков, установленный в его доспехах, мог серьезно увеличить громкость этих слов. Однако когда кто-то заикается от ужаса, его речь вряд ли будет звучать угрожающе.

– Прощай, урод. Желаю тебе сдохнуть мучительно вместе со всей семьей, что предала меня. – Если бы чувства сами по себе могли убивать, мужчина должен был оказаться разорван на мелкие кусочки ненавистью, плескавшейся в единственном глазу молодого колдуна. – Дитя Хаоса, силой печати в моих руках, принадлежащей мне по праву крови, я призываю тебя исполнить заключенный между нами договор!

– О, должен предупредить об одной маленькой детали. – Демон широко улыбнулся, демонстрируя сотни, если не тысячи, кривых загнутых мелких клыков. – Выдрать душу из тела или вселить ее обратно – это больно. Слишком слабые смертные могут даже умереть от подобных ощущений. Ты точно уверен в своем решении?

Женщина-робот подняла руку в направлении стоящей посреди пентаграммы твари. И тут же развалилась на куски, исходящие паром, дрыгающие деталями непонятных механизмов и истекающие машинным маслом. Удлинившийся в несколько раз хвост чудовища рассек ее на части так легко, будто и вовсе не встретил на своем пути сопротивления. Вскрикнул отскочивший назад мужчина, не получивший ни малейших травм, но судя по всему, перепуганный до полусмерти.

– Делай то, что я тебе приказывал, тварь! – тонко заверещал одноглазый, видимо сам до конца не уверенный в результате своих усилий на ниве демонологии. – Или нарушай этот договор и становись клятвopеступником!

– Я слышу тебя и делаю свой выбор. – Эта одна-единственная фраза, казалось, заставила замереть весь мир.

А следом Олег опять заорал от невыносимой боли, заставляющей дрожать даже самую малейшую частичку его естества. Этот кошмар парню приходилось испытывать уже второй раз за последний час, но к подобным ощущениям определенно было просто невозможно привыкнуть. Каждый новый миг агонии был абсолютно не таким, как предыдущий, и тянулся, судя по ощущениям, целую вечность.

– А-а-а! – кричал Олег, корчась на полу. Отголоски пережитого кошмара напрочь выбили из юноши способность соображать или хоть как-то реагировать на внешний мир. Даже то, что его старательно избивают ногами, парень понял далеко не сразу. Только когда ему достаточно полегчало, чтобы начать чувствовать собственные ломающиеся ребра.

– Ах ты, ведьмак поганый! Ах ты, курва! Ах ты... – Мужика в высокотехнологичных доспехах заклинило на фразе «Ах ты...». Во всяком случае, именно она предшествовала очередному эпитету, отпущенному в адрес Олега. И очередному пинку, мотавшему его легкую тушку туда-сюда. – Удушью собственными руками сученыша!

– Отвал-ли! – с некоторым трудом пробормотал заплетающимся языком парень, пытаясь закрыть руками... И – о чудо! – они его послушались. Хотя юноша уже привык к мысли о том, что до конца жизни ему придется оставаться парализованной развалиной. Впрочем, закованному в железо сапогу такая преграда ничуть не помешала окончить свой путь на животе Олега.

Скривившись из-за испытываемых им болевых ощущений и царящего во рту вкуса крови, парень стал действовать так, как учили в секции по борьбе. Далеко не все занятия там были рассчитаны только на спортивные состязания. Тренер, обучавший детей и подростков, был реалистом. И учил их действовать в том числе и в реальном бою, против куда более тяжелого и сильного противника. Намеренного убить или просто искалечить. Дождавшись, когда нога мужчины в следующий раз потеряет сцепление с полом, поднявшись в воздух для нового удара, Олег перекатился и всем телом налег на вторую опорную конечность противника. Прием оказался выполнен из рук вон плохо. Очередной пинок, пришедшийся в левое плечо, заставил что-то хрустнуть в организме парня. Да и толчок мог бы быть посильнее. Однако тут сплеховал уже сам мужчина. Он слишком долго избивал абсолютно несопротивляющуюся жертву. А когда та вдруг на него попыталась броситься, инстинктивно отшатнулся назад. Равновесие оказалось нарушено, тяжелые доспехи тянули вниз. И балансировать

на одной ноге в условиях, когда в нее еще и толкаются, стало слишком сложно.

– Кур-рва! – Мужчина замахал руками, словно пытающийся взлететь гусак с подрезанными крыльями. Однако набрать высоту у него так и не получилось. Как и сохранить равновесие. Он с лязгом грохнулся на спину и завозился, пытаюсь встать. – Убью, тварь поганая!

– Сам такой! – У Олега болело все, что только могло болеть. Исключая почему-то правую ногу от колена и ниже. Да и вообще вся правая сторона тела ощущалась как-то странно, непривычно. Будто он ее отлежал. Даже глаз там почему-то упорно не желал открываться. Внезапно озаренный страшной догадкой, он схватился за лицо и тут же отдернул руку, наткнувшись рукой на бугристую корку давно зажившего ожога. – Черт... Стой, это не я!

Как оказалось, надетые латы не так уж и сильно мешают встать с пола здоровому и физически крепкому мужику. Особенно если он очень-очень зол. И уж подавно подобная персона не остановится, чтобы выслушать какие-либо оправдания и объяснения. Кулак в стальной перчатке въехал в скулу Олега и отбросил его прочь, словно нашкодившего котенка. Парня повело, и он впал в состояние нокаута, отчего и не смог оказать какого-либо сопротивления вновь начавшемуся избиению.

– Убью, тварь! – рычал мужчина, превращая внутренности своей жертвы чуть ли не в фарш. Пару раз Олег еще пытался ему объяснить, что он ни в чем не виноват, но его просто не слышали. А может, не верили. Ведь все внимание уroda в доспехах пару минут назад занимали демон и отдающий ему приказы колдун. Где уж тут заметить тихо и безмолвно висящий в уголке силуэт постороннего призрака. Или даже не призрака, а вырванной из ее родного тела души. Однако потом у Олега просто кончились силы. Их не хватало ни на защиту, ни на попытку убежать, ни даже на слишком уж громкий крик, когда рука или нога попадали по особо чувствительному месту. Например, свежеполученному перелому. – Хотел меня со свету сжить, скотина?!

В дело пошел кнут, который мужчина подобрал с пола. И его удары заставляли кровь брызгать в разные стороны немногим хуже, чем остро отточенное лезвие сабли. Вероятно, в скором времени впавший в бешенство урод так бы и забил Олега насмерть, поскольку совершенно не собирался миндальничать. Во всяком случае, пару раз грузик на конце бича врезался ему в голову, чудом не проламывая костей черепа. К счастью, оба удара пришлись на изуродованную

сторону лица, которая оказалась не слишком чувствительной. Олег уже приготовился умирать, однако на очередном замахе мужчину грубо прервали ворвавшиеся в помещение люди, которых так и тянуло назвать группой захвата. Черная единообразная форма, погоны, закрывающие лицо глухие маски с непроницаемым забралом и шлангами противогаров. Явно готовые изрыгнуть смерть автоматобразные конструкции в руках. Почти убивший Олега мужчина оказался сбит на пол ударами прикладов быстрее, чем осознал, что случилось. Причем, пока он падал, успел лишиться своего оружия и некоторой части доспехов. Остаток лат и одежды с него содрали уже на полу, а после обнаженному до расшитых голубенькими цветочками трусов мужчине живо сковали руки какими-то странными наручниками, всунули в рот кляп, а на голову надели мешок. Впрочем, то же самое проделали и с Олегом. Но куда более бережно и осторожно, без лишнего рукоприкладства. Да он и не думал возражать. Эти люди сразу понравились ему хотя бы тем, что не принялись с ходу его мучить. Ограничение свободы на фоне недавних потрясений можно было считать несущественной мелочью. К тому же сквозь накрывшую голову непрозрачную ткань легко дышалось и очень хорошо слышалось.

Пару минут ничего не происходило. Только ворвавшиеся в помещение люди периодически осаживали пытающегося встать или что-то бубнить сквозь кляп дядю одноглазого колдуна. Судя по звукам, делали они это прикладами. И от души. Старающийся не шевелиться, чтобы не чувствовать лишней боли, Олег мысленно накинул им еще пару баллов. За восстановление справедливости. Но потом даже та немногая возня, которую производила переминающаяся с ноги на ногу группа захвата, стихла как по волшебству. Зато в комнате появился кто-то новый, при ходьбе почти не топающий. Только громко шуршащий одеждой и слегка позвякивающий.

– Капитан, доложите обстановку, – прохрипел чей-то голос. Судя по тембру, обладателю его было лет семьдесят. Ну или он срочно нуждался в лечении больного горла экстренными методами.

– Шесть минут назад в эфирную сеть поступил тревожный сигнал от частного автоматрона. Судя по сообщению, в алтарной зале было обнаружено присутствие инопланетной сущности не ниже восемнадцатого класса опасности, – доложил командир группы захвата. Ну или кто-то, кому полагалось говорить в таких ситуациях. – В поместье Коробейниковых выдвинулась предусмотренная для подобных случаев тревожная группа быстрого реагирования. Магическая защита дома оказалась нефункциональной, сопротивления не оказывалось.

В алтарной зале было обнаружено двое. Мужчина избивал легким тренировочным кнутом юношу лет шестнадцати. И, ваше преподобие, если вы не поторопитесь, у нас останется один подозреваемый. Я и так не понимаю, как в нем душа держится.

– А самим создать хотя бы малое исцеление устав не позволяет? – ядовито осведомился тот, кто выслушивал этот доклад, и по телу Олега вдруг разлилось приятное тепло. словно тысячи маленьких и слегка нагретых иголочек кололи его кожу. И после этой непонятной акупунктуры терзавшая парня боль начала стремительно утихать. – Петров, ну ты-то точно на это способен. Сам у тебя квалификационный зачет принимал.

– Ну, так это же восемь лет назад было, – виноватым голосом заметил кто-то. – А я с тех пор навыки-то несколько утратил.

– Безобразии. Совсем обленились вы в мирное время. Война, конечно, не самое лучшее дело. Зато во время нее всем жить хочется и о тренировках никто не забывает, – раздраженно пробурчал старик и, судя по звукам, отошел от Олега подальше. – Так, что тут у нас... Угу... Ясенько... Распаковывайте эту парочку, по горячим следам следствие проводить будем. Можно даже сказать, по дымящимся еще.

– Э-э-э... Ваше преподобие, вы уверены? – осторожно осведомился командир группы захвата. – Призыв демона не та вещь, с которой можно шутить. Вон у Олябьева прошлой весной с арестованного чернокнижника антимагические оковы на ночь сняли, посчитав его интерес к запретной магии невинным юношеским баловством. А к утру у них в участке уже малые врата ада открылись. Аккурат в камере предварительного заключения.

– Эх, смотри сюда, сосунок! Перед тобой находится наградная магическая печать Союза Орденов. – В сиплом голосе послышалось раздражение. – Их ввели во время Второй мировой, как аналог медалей для отличившихся младших офицеров и солдат. Слишком много тогда появилось тех, кого следовало отметить и поощрить. Вот и сделали маги ход конем, выдавая взамен пожизненных привилегий одноразовую возможность отдать приказ закабаленному демону. И для этого вовсе не требовалось самому уметь обращаться с тварями тьмы. Поскольку их на не причинение вреда владельцу печати и исполнение одного его приказа заклинали магистры и архимаги Союза. Причем делали они это так, чтобы получившимся артефактом мог

воспользоваться при наличии инструкции даже только-только оторванный от сохи крестьянин.

– О, так это она и есть? – задумчиво пробормотал кто-то. – А я их совсем другими представлял.

– Да, сейчас подобных вещей осталось мало, – согласился сиплый голос. – После окончания войны их производство свернули, так как такого переизбытка героев больше не наблюдалось. А потом его величество Николай Третий и вовсе разогнал Союз Орденов, упразднив вольности и права архимагов. Я слышал, после того как создатели печатей оказались убиты, пользоваться ими стало куда как небезопасно. Демоны почуяли ослабление поводка и принялись юлить, уклоняться от надлежащего выполнения приказов, а кое-кто и вовсе напал на владельца подобных артефактов. Этим еще повезло, что тварь просто решила ничего не делать и вернулась обратно в преисподнюю. Ну, сын мой, поведай мне, чего ты хотел от демона. И почему пытался подвергнуть сего отрока смерти лютой? Эй, выньте кто-нибудь у него изо рта затычку.

– И пусть сразу скажет – почему не оформил ритуал призыва должным образом? – поддакнул ему командир группы захвата. – Если артефакт относится к категории условно-безопасных, то разрешение ему выдали бы в течение суток. Ну, может, двух или трех. А городская алтарная зала укреплена куда лучше. И там всегда все приготовлено к нештатным ситуациям. То, что мы пронеслись через полтора квартала за три минуты, – это ладно. Но если бы демон вырвался тут на свободу и начал все крушить, что тогда?!

– Это не я. Это все он, идиот сопливый! – Судя по всему, изо рта почти убитого Олега мужчины действительно вытащили кляп. – Ваше преподобие, да разве можно пятнать свою душу сношениями с нечистым?! Я бы никогда не осмелился воспользоваться печатью, которая досталась мне от отца! Поверьте, артефакт оказался бы снесен куда положено сразу же, как я получил бы всю власть над магической защитой поместья! Это все он, дурак! Сгубить меня решил! У-у-у, сучье семя...

– Стоп! Так это не твой дом? И артефакт не твоим был? – удивился сиплый голос, и в этот момент с Олега сняли закрывавший голову мешок. Оказалось, он не ошибся в своих предположениях: тот, кому принадлежал столь необычный тембр, действительно был стар. Даже скорее дряхл. Зачесанные в разные стороны седые волосы и того же цвета аккуратная клинообразная борода

явственно намекали на возраст их обладателя. Они бросались в глаза даже сильнее, чем сжимаемый в одной руке небольшой жезл. Или позвякивающее при каждом движении кадило, примотанное почему-то к спине. Возраст попа, на взгляд парня, никак не мог быть меньше восьмидесяти лет. Он бы ему и полную сотню дал, да только слишком уж внушительной смотрелась высохшая, но все еще крепкая двухметровая фигура. И уж слишком живо смотрели из-под сдвинутых вверх темных очков глаза. Вспомнился старик, лежавший с ним в одной палате... И сразу забылся. Мерить одной гребенкой этих двоих пожилых людей было примерно столь же уместно, как относить в одну категорию отточенную до бритвенной остроты саперную лопату и бесформенный кусок железа на трухлявой рукоятке, которым кидают навоз. – Так что же тут делаешь тогда?

– Ну... Я... – На казавшегося таким грозным в доспехах мужчину внезапно напал приступ косноязычия. И то, что один из бойцов сунул ему под нос ствол своего оружия, конечно же было ни при чем. – Это... Я, значит, Пахом Коробейников, купец медной гильдии. А парень – то Олег Коробейников... Хотя какой он Коробейников, так, сбоку припека...

– На теле следы многочисленных ожогов. Еще не очень старые, но хорошо залечены. – Олега парочка бойцов из группы захвата принялась крутить в разные стороны, словно куклу. Один из них, ничуть не смущаясь, полез ему под одежду и принялся ощупывать тело. Парень приготовился было протестующе заорать, но тут с удивлением понял, что его осматривает женщина. Просто скрывающее фигуру обмундирование делало ее почти неотличимой от мужчин. Голосить из-за посягательств на свою тушку дамы как-то сразу расхотелось. – Судя по всему, огонь был непростым, раз следы от него убрать не удалось. Та-а-ак! А еще на спине следы плети. Или кнута. Вроде того, который здесь на полу валяется. Свежие. Прямо поверх едва успевших зарубцеваться под воздействием лечебной магии тканей.

– Сыне, не вынуждай меня проводить дознание особыми методами. Я ведь могу. – Старый поп демонстративно размял кулаки. Олег с удивлением обнаружил, что их у него прикрывают самого зверского вида шипованные кастеты. – И глядя на морду твою противную, почему-то очень хочу. И ты тоже не стесняйся давать объяснения, юноша. Я их очень внимательно слушаю.

– Не хочу и не могу. Мне дурно. – Слова вырвались изо рта Олега с великим трудом. Боли он почему-то не чувствовал, да и кровь из многочисленных ран

не текла. Однако состояние парня все равно было просто отвратительным. И физическое и психическое. К тому же он наконец-то получил небольшую передышку и теперь старался хоть как-то осмыслить ситуацию, в которую его угораздило вляпаться. И перспективы в воображении Олега рисовались одна другой хуже. – Он все равно лучше объяснит.

– Мой это дом! И участок мой! И артефакт мой был! – поспешно затараторил почти голый мужчина, явно робеющий перед недобро смотрящим на него стариком. – По закону все ко мне перешло, после того как брат умер и завещания не оставил!

– Ага, – кивнул каким-то своим мыслям поп. А после пристально посмотрел на Олега. – А это кто тогда такой разукрашенный? Сынок твой, раз защита артефакта его признала? За что же ты так с родной-то кровью?

– Да никакой он мне не сын! – истерично выкрикнул мужчина. – Это отродье осталось от моего старшего брата! Прижил он его от худородной и признал! В колыбели надо было удавить тварюгу! Узнал, змея подколодная, что я его в Североспасское училище записал, и решил меня со свету сжить! Дал ему один день, чтобы собраться! Проявил уважение! Сразу стоило хватать и туда тащить! Его на плаху надо! На шибеницу![1 - Шибеница – виселица.] В срубе сжечь отродье убогое!

– Подожди-ка, подожди, – перебил его вдруг поп. – Куда ты его записал? В Североспасское училище? То самое, Императорское армейско-магическое училище, которое монастырь на Воробьевых горах?

И такая тишина установилась вокруг, что Олег сразу понял одну простую истину. Это нехорошо. Очень-очень нехорошо. Нечто крайне плохое было связано с данным местом, про которое парень раньше не слышал и слышать не мог. Он уже сообразил, что доставшееся ему тело одноглазого и одноногого колдуна находится от его родного дома очень далеко. Возможно, не только в пространстве, но и во времени. Во всяком случае, Олег ни разу не видел живых демонов, ходящих туда-сюда андроидов и боевых попов. А магию считал сказками, которые просто не могут обсуждать серьезно взрослые и сознательные люди.

– Сын мой, а скажи-ка ты мне: кем был твой брат? А также как он умер и когда? – вежливо, но почему-то очень холодно поинтересовался поп с кастетами. И, подумав, добавил: – Царствие ему небесное.

– Статский советник Коробейников Илья Иванович, – пожал плечами мужчина. – Инспектор министерства налогов и сборов. На прошлой неделе его паровая повозка взорвалась, жандармы утверждают, будто мину артефактную туда подложили. Да оно и понятно, как иначе-то, если на него среди больших людей многие зуб имели. Брат сразу сгорел, и девка его, и водитель. Уцелела только эта вот шваль, которую оттуда выбросило. С такими ранами, как у него, обычно сразу на тот свет отправляются, но песье племя живучее. Да и лечили отродье хорошо, поскольку на место происшествия маги из их департамента прикатили. Кто другой и не откачал бы байстрюка[2 - Байстрюк – незаконнорожденный.].

– Плохо, когда дети рождаются вне брака. Но ведь сами-то дети в этом не виноваты, – вздохнул поп. – И потом, раз он смог воспользоваться заклтым на кровь артефактом, значит, отец его официально признал. Не только на словах, но и с необходимыми ритуалами. А также по бумагам, ибо они лишь следствие вхождения в род, но никак не причина.

– О, документы у этой твари в полном порядке. – Мужчина сплюнул в сторону Олега и почти попал. – Когда мой брат женился на выкупленной у хозяина крепостной, у той еще и пузо-то толком не выросло. Идиот! Стоило известить и плод и мамашу! Ну почему я решил проявить снисхождение и сразу его в приют для бродяжек не отправил, а? Надо было гаденыша прямо с больничной койки в конуру для таких, как он, гнать! В одном белье! Поганой метлой! Все равно вонючим смердам стыдиться нечего!

Парень едва сдержал рвущийся с языка мат в адрес «дядюшки». Обычно он встречал людей нормальных и соответственно вел себя с ними вежливо. Однако последнее время ему как-то слишком уж везло на психов, по непонятным причинам питающих ненависть в его адрес. А еще он старательно думал, сознаваться ли ему в том, что он не совсем тот Олег. Или, скорее, совсем не тот. Причем парень склонялся к тому, чтобы по возможности утаить правду. Насколько он помнил историю, имеющие власть христианские священнослужители всегда любили юродивых. А вот одержимых пытали, дабы изгнать из них болью лишние сущности. Ну а уж когда не помогало, устраивали согревающий компресс при большом стечении народа. Запекали на кострах несчастных живьем со всеми излишними, на их взгляд, деталями личности. Хотя

могли и утопить. Или замуровать заживо. Зависело от предпочтений, исторически сложившихся в данной местности. Конечно, возможно, здешняя церковь куда более миролюбива... Однако закрадывались в этом определенные сомнения при одном взгляде на старого попа с шипастыми кастетами. Да и отряд вооруженных бойцов обращался с ним весьма почтительно.

– Ага. Вот, значит, как... – призадумался старик и прищурился как-то совсем уж нехорошо. – Ну, тогда поправь меня, если чего не так скажу. Твой брат умер насильственной смертью, ты унаследовал его имущество, поскольку завещания не было. И сразу вселил сюда свою семью. Я ведь видел тут каких-то карапузов в саду и бабу на сносях. А племянника, вопреки твоим словам, рожденного в законном браке, сдал в Североспасское училище. То самое училище, которое принимает любого крестьянина с минимальными зачатками дара или даже беглого раба. Для которого из тюрем выкупают не совсем уж пропащих уголовников, чьи мамы были ведьмами без патента. Куда обязуют поступать детей ссыльных дворян, когда их родителей отправляют на каторгу. Так?

– Вы все совсем не так поняли! – заюлил «дядюшка», от которого настоящий племянник был готов сбежать чуть ли не в преисподнюю. – Вы только посмотрите на мое лицо! Он, вместо того чтобы быть благодарным за то место в училище, куда я пристроил сына простой крестьянки, почти выцарапал мне глаза!

– Да, вижу ссадины. Солидные, не каждая бешеная кошка такие оставит, – прищелкнул пальцами старый поп, внимательно взирая на представленные к осмотру царапины. Сложно сказать, как у него получилось это проделать в кастетах. Наверное, долго тренировался. Олег не знал, насколько эффективно лечили «дядюшку». Однако даже в самом худшем случае рубец от плети должен был равняться по болезненности и степени повреждения кожи не меньше чем паре сотен таких. – Это поэтому у него вся спина в рубцах?

– Если смерд не знает своего места, смерда нужно пороть! А этот же даже не обычный смерд, это истинный демон! Не понимает, когда ему хотят добра, – бескомпромиссно заявил Пахом Коробейников, к которому понемногу начали возвращаться апломб и наглость. Просто бойцы группы быстрого реагирования за время расспросов заскучили и разошлись в стороны. Большая их часть уделила внимание расставленным по шкафам книгам, а один просто уселся в стоящее в углу кресло и там захрапел. – Да этот ублюдок с самого рождения был злобной, тупой и неуправляемой тварью. А теперь он стал еще и уродом,

которого в приличном обществе и показать-то стыдно!

– Да, кстати о приличиях, – как бы невзначай подхватил разговор старый поп, делая пару шагов назад и касаясь левой рукой застонавшего от неловкого движения Олега. Конечность священнослужителя на секунду оказалась окутана золотистым светом, и по телу парня вновь прокатилась волна теплых иголок. И сразу дышать ему стало как-то легче, будто выпрямились в груди одно или два сломанных ребра. – Полных лет сему отроку сколько? А то в училище раньше пятнадцати не берут, если ты запомнил.

– Семнадцатый пошел, – с готовностью откликнулся «дядя» парня.

– Значит, будь он на год старше – и наследовал бы отцу вместо тебя, – задумчиво пробормотал поп. – Или мог бы подать в суд заявление с просьбой вернуть доставшееся от родителя имущество... А из училища этого не сделать. И после не сделать, так как для всех выпускников предусмотрен десятилетний контракт. Оттуда же шлют прямо на границу. Благо большая она у нас, сколько людей ни ставь, а все не хватает. Сын мой, а документы ты уже все оформил? Может, ну его, это училище? Я могу сего отрока послушником устроить. Куда-нибудь в дальний скит за Уралом. После попытки вызова демона, пусть и неудачной, самое то для него будет.

«Если подумать, жизнь в монастыре может оказаться не так и плоха, – мысленно решил для себя Олег. – По крайней мере, там гарантирована регулярная кормежка и меньше шансов засыпаться на незнании жизненных реалий. Наверное. К тому же, судя по реакции на название училища, это место будет ближе к тюрьме-колонии, чем к нормальному вузу. Ну или хотя бы ПТУ средней степени паршивости».

– Уже поздно, – отрицательно покачал головой Пахом. – Я как опекун заключил договор с дирекцией Североспасского училища. А они известны на всю Российскую империю тем, что всех берут, но никого не выпускают. В крайнем случае хоронят совсем уж неудачливых кадетов на внутреннем кладбище. И даже соответствующим образом зачарованную кровь этого неблагодарного отродья им отнес, взяв фиал из семейного хранилища. Чтобы они уж точно паршивца случайно не потеряли.

– Да, вижу, ты не привык ограничиваться полумерами, – понимающе кивнул старый поп. А потом глаза его вдруг сверкнули золотым светом, брови грозно насупились, а могучая фигура будто еще больше увеличилась в размерах. – Дай же теперь ответ только на один вопрос и не смей лгать ни мне, ни себе! Сын мой, скажи – ты дурак?!

– Что? – Пахом Коробейников от такого вопроса и резкой смены тона старика даже растерялся.

– Североспасское магическое училище – это тебе вовсе не женский монастырь. Те, кто живет там, занимаются отнюдь не нюханьем цветочков или изучением кодекса благородных девиц, – ласково-ласково объяснил ему священник. – Да, оттуда твой племянник действительно не сможет уйти в любой момент. Или вести юридическую тяжбу и отобрать у тебя свое. Но там даже девочек учат не вышивать крестиком или молиться. Там учат убивать, делать артефакты для убийств, лечить убийц и убегать от смерти. А контракт с рекрутами в ней заключается всего на десять лет. После которых в отчий дом вернется очень злой боевой маг.

– Пусть сначала вернется, – фыркнул Пахом Коробейников. – У нас очередная война с Австро-Венгрией на носу. Там и не таких перемелют.

– Все ясно, – со вздохом поднял глаза к потолку старик. – Ты не дурак. Ты просто самый обычный мерзавец. Жаль, очень жаль... Жаль, что при задержании стрельбу на поражение не открыли!

– Чего? – выпучил глаза владелец дома. И тут же взвыл, когда его щеку разорвали острые зубья кастета. Поп бил аккуратно, но сильно. Точнее, даже не бил, а фигурно колол, словно опытный татуировщик. Левая сторона лица мужчины украсилась буквой «К». На лбу разместились несколько смазанные, но все же узнаваемые «А» и «И». Правая щека несла на себе рваную отметину в виде буквы «Н».

– Властью своей я предаю тебя анафеме! – провозгласил старик и мощным апперкотом сбил мужчину на пол. – За то, что предал родную кровь. За то, что корысть в тебе задушила сострадание, любовь и разум! За то, что толкнул отрока невинного на путь тьмы, злобы и разрушения!

– Вы... Вы... Вы не имеете права! – завизжал Пахом, словно испуганный поросенок. – Я буду жаловаться!

– Вертел я твои жалобы на том чисто мужском органе, который у меня уже лет двадцать как признаков жизни не подает, – хмыкнул старик и отвесил своей жертве хороший пинок, заставляющий усомниться в его старости и немощности. Во всяком случае, от удара тело его собеседника воспарило сантиметров на десять, прежде чем вновь рухнуть вниз. – Ты довел родного племянника до того, что он оказался готов воззвать к силам тьмы, лишь бы восстановить справедливость. С возможной в ближайшем будущем гибелью его тела я бы еще должен как-то примириться. Но вред, нанесенный по твоей вине непосредственно душе сей особы, заслуживает должной кары.

– Процедура была проведена не по правилам, она недействительна! – попытался убедить то ли других, то ли себя мужчина, отползая подальше от скорого на расправу старика.

– Вертел я эти правила, – сообщил ему с широкой ухмылкой престарелый поп, шагая следом. – И ты не бойся. Слишком длинные молитвы в моей дырявой памяти держатся плоховато, но уж постановку аурной печати анафемы забыть покуда не получилось. Первоклассную теперь несешь на себе отметину! Такую черта с два кто сотрет, окромя уполномоченных на то органов.

– Я до вашего архиерея дойду! – вскрикнул Пахом и сжался как кутенок, когда старик поднял его одной рукой в воздух. За шею. – У меня не последнее место в медной гильдии... Вам этого так не оставят...

– Вертел я всю вашу гильдию, – проникновенно сообщил задыхающемуся мужчине священнослужитель и нанес ему удар в живот. – А архиерей наш вертел ее с куда как большей скоростью и соответствующими моменту торжественными песнопениями. Так, парни, если у кого будут вопросы, то он сопротивлялся при задержании.

Свою прочувствованную речь старик сопровождал все новыми и новыми ударами, медленно превращая живот жертвы в кровавое месиво. Впрочем, шипы его кастетов погружались в кожу не слишком глубоко, и оттого раны являлись болезненными, но неопасными.

– Такая мразь действительно может начать вонять на всю Москву, – счел нужным заметить один из бойцов. – Ваше преподобие, может, официально оформим протокол его задержания как свидетеля? И засунем в камеру к уголовникам на пару деньков. А там уж Бог ему судья, а претензии по поводу травм к тем, кто уже ушел по этапу. Ну или зауспокойная понадобится, коли совсем душегубы распяшутся.

– Вы не можете! Вы не имеете права! – просипел Пахом, взирая на попа с плескавшимся в глазах суеверным ужасом. – Вы же пастырь душ, носитель слова божьего!

– Вертел я твои права, – улыбнулся старик и сделал знак бойцам, которые проворно стали обратно натягивать на голову дергающемуся мужчине мешок. – Моей обязанностью как раз и является наставлять заблудших овец на путь истинный и состригать с их шкур пороки и ересь. А ты основательно запаршивел, грешник. И уже успел отравить своим ядом как минимум одну юную душу. А скорее и больше, если вспомнить о твоей семье. Раз они не возражали против такого обращения с этим юношей, то как минимум виновны в гордыне и безразличии. Так, теперь ты, сын мой.

Олег вздрогнул, решив, что теперь настала его пора подвергнуться безжалостному избиению и анафеме. На последнюю, впрочем, парню было плевать. Он раньше считал себя закоренелым атеистом, и хотя теперь его жизненный опыт существенно обогатился по части сверхъестественных событий, все еще цеплялся за старые морально-нравственные ориентиры. И важность недовольства церкви в его шкале ценностей числилась где-то между испорченным завтраком и испачканными туфлями. Конечно, если к данному наказанию не прилагается толпа фанатиков, готовая с радостными воплями тащить Олега на костер.

– Ты уже подумал над теми вещами, которые возьмешь с собой в училище? – проникновенно поинтересовался старый священник.

Парень отрицательно покачал головой. Возможно, законный хозяин тела на эту тему и размышлял, но – увы, его память пропала вместе с личностью и душой. С легким злорадством Олег подумал о том, что сила духа очень пригодится в медленно увядающей под капельницей оболочке. Неудачливый колдун успешно сменял шило на мыло и вряд ли остался доволен совершенной сделкой. Сомнительно, чтобы симпатичная мордашка и полный комплект конечностей

могли считаться достойной заменой неподвижности тела и отказывающимся почкам. Скорее всего, даже никакая магия не поможет. Если парень вообще ею владел, а не просто смог заставить сработать артефакт, судя по услышанному, рассчитанный чуть ли не на дебилов.

– Отлично, тогда я помогу собраться и провожу до училища. Ну и заодно попробую успокоить мятущуюся душу и наставить ее на путь истинный, – решил старый поп и тепло улыбнулся. – Думаю, не стоит тебе оставаться в этих стенах после сегодняшнего. В конце-то концов, днем раньше или позже покинешь ты родные стены, многого это не изменит. Кстати, меня зовут Бонифаций.

– Ол-лег, – слегка запинаясь, представился парень и попробовал встать. К его удивлению, это вполне получилось. Пусть и с некоторым трудом. Видимо, манипуляции священника с тем золотым светом не прошли даром. – Вы хотите помочь мне? Но почему? Я же... Демона призывал... Да и вообще... Зачем?

– Кто еще, если не я? – развел руками старик и с тяжелым вздохом сгорбился. Казалось, из него будто выдернули стальной стержень, поддерживающий могучие плечи распрявленными. – Петров, ты тут сам все оформишь? Впаяй этому субчику обвинений побольше, авось хоть от чего-то не отбрешется.

– Конечно, ваше преподобие, – откликнулся командир ворвавшегося в дом отряда. – Тем более раз парень еще не признан полностью дееспособным, за его действия должен отвечать официальный опекун. И статью за небрежное хранение потенциально опасных артефактов он заслужил целиком и полностью. А если бы до печати призыва добрался кто-то из его малолетних детей? Демону-то на возраст плевать, ему главное, чтобы привязка по крови вытащила его в наш мир.

Олег сделал один шаг по направлению к дверям, пошатнулся и тут же изо всех сил замахал руками в попытке сохранить равновесие. И это ему не удалось. С испуганным взвизгом он рухнул вниз, да к тому же еще по пути как-то умудрился вцепиться в подошедшего к нему священника. И его тоже опрокинул.

– Отец Бонифаций, да вы у нас, оказывается, еще ого-го-го! – хмыкнула та самая женщина, которая осматривала парня. – С места происшествия даже тревожная группа городских не ушла, а вы уже руки по отношению к виновнику чрезвычайного происшествия распускаете. Интересно, что было бы, окажись

на его месте молоденькая ведьмочка.

– Ну, после девяностолетнего юбилея лечиться от постыдных болезней не так уж и стыдно. Жаль только, не везет последние годы на симпатичных задержанных. Если и попадается ведьма без патента, то годится она мне в матери, – философски заметил старик, поднимаясь сам и поднимая оцепеневшего Олега. – Какие раны еще болят? Видимо, я действительно стал слишком стар, раз не смог провести полноценного исцеления свежих травм аж с двух полных попыток.

– Да нет, все нормально... – Олег действительно больше не чувствовал боли, хотя готов был поклясться в том, что получил сегодня, по меньшей мере, два-три перелома. – Просто слабость. И эта нога... Я никак к ней не привыкну.

– Да лучше бы тебя там совсем спалило, тварь! – крикнул ему в спину Пахом Коробейников. – Иди отсюда, и чтобы больше я тебя не видел! Уверен, тебе понравится жить в училище вместе с толпой невымытых крестьян! В хлеву со свиньями таким, как вы, место!

– Война ужасна. Но иногда мир становится еще хуже, ведь за годы спокойствия начинает плодиться та мразь, которую во время конфликтов просто режут. – Старый священник тяжело вздохнул, взял с ближайшей полки томик поувесистее и не глядя швырнул его за спину.

– А-а-а! Мой глаз! – взвыл мужчина, получивший углом тяжелого фолианта по лицу. – Ы! Как больно!

– Хорошо бросаете, отец Бонифаций, – оценил Олег, напоследок оглянувшись на едва не убившего его типа. Тот как раз крутился на полу, пытаясь содрать со своей головы мешок или освободить руки, чтобы добраться ими до пострадавшего органа зрения. – Я бы даже сказал, профессионально.

– А то! – довольно хмыкнул старик, почесывая подбородок окровавленным кастетом. – Гренадер его величества – это вам не хухры-мухры! Я помню еще Вторую мировую, пусть и самый ее конец. А уж в каком количестве малых войн и конфликтов после того участвовал, так и вообще сосчитать невозможно. Семьдесят лет выслуги, в сентябре семьдесят первый пойдет. Ну, если считать вместе с тем сроком, который я числюсь боевым экзорцистом при тревожных группах городских.

– Это... впечатляет, – только и смог сказать Олег. – В каком же году вы поступили на службу?

– Ну, так в две тысячи сто семьдесят пятом, если от Рождества Христова, – довольно откликнулся священник, чем погрузил парня в состояние полнейшего смятения. Он окончательно перестал хоть что-то понимать. А также был вынужден констатировать свое полное незнание реалий этого мира. Ведь его родным он не являлся совершенно точно.

Глава 2

О том, как герой узнает, что не так страшен черт, как его малюют, проходит медкомиссию, заводит новых знакомых и получает еще одну тяжелую травму

Черно-алый металлический самурай пяти метров в высоту выдохнул поток огня из оскаленной демонической маски, заменяющей ему лицо. Пламя ударило о щит не уступающего ему в размерах бородатого римского центуриона, которым тот проворно заслонился от боевой магии. Гигант, чей торс был стилизован под анатомический доспех, а голову украшал развернутый поперек гребень, явно не испытывал никаких неудобств под прикрытием своей защиты. Более того, он пошел на сближение, и с ясно слышимым шипением паровых механизмов его левая рука стала отходить назад и сгибаться в локте. Колющий удар коротким, всего-то полтораметровой длины, гладиусом должен был оказаться поистине страшен. Однако нанести его представитель Римской империи так и не сумел. С неожиданным для такой туши проворством и поистине азиатским коварством не перестававший изрыгать пламя самурай шагнул в сторону, пропуская клинок мимо себя, а после со всего маху саданул противника своим собственным оружием, до того момента просто сжимаемым в руке. Четырехметровая толстая стальная лопасть, переходящая в длинную двуручную рукоять, сильно напоминала смесь двуручника и дубины. Она явно весила несколько центнеров, а потому двигалась медленно и величественно. Но все же быстрее, чем попытавшийся разорвать дистанцию легионер. Звон от столкновения железной башки с не менее железным плоским бревном заставил стекла задрезжать.

«Шагающие боевые человекоподобные роботы. С саблями. Охренеть. – Олег смотрел в окно и с каждой секундой изумлялся все больше и больше. Ему едва-едва хватало самоконтроля, чтобы не начать высказывать свои мысли вслух. – Это же просто немыслимо! Потрясающе неэффективно! Они должны легко терять равновесие, сложны в изготовлении, да и... И их только в этом двореке десятка два вдоль стеночки под навесом стоит! И хоть бы одна модель повторилась! Интересно, если я продам кому-нибудь принципиальную схему танка, который на раз сделает этих уродцев в соотношении цены, качества и эффективности, получится ли разбогатеть? Или меня закопает под первым камнем сначала покупатель, а потом его самого заруют поглубже ныне существующие производители военной техники?»

– Так, обследуемый, не отвлекайтесь и внимательно следите за тем, что с вами делают! – прикрикнул на рекрута... вернее, уже на кадета, старший из местных магов-медиков. В их иерархии юноша пока еще не разобрался, но только у этого человека на висках проглядывала седина. В то время как остальные люди в белых халатах, проводившие вокруг парня разные манипуляции, выглядели его ровесниками. Ну, может, были на пару-тройку лет старше. – А не то быстро станете пациентом или даже подопытным!

– Но разве диагностическая печать может представлять собой какую-нибудь угрозу? – уточнил один из самых молодых парней, входящих в эту группу. – Вы же сами говорили, что она полностью безопасна!

– Зато определенную угрозу представляет сам будущий ведьмак, которому скучно и нечем заняться, – наставительно заметил седой, поворачиваясь спиной к Олегу и задергивая шторы на окне. – Этот пока еще смирный. Но многие на его месте уже рефлекторно начали бы пытаться незаметно залезать в шкафчик с реагентами ради спирта или стащили бы у вас скальпель, чтобы почесать затылок и заодно в мозгах у себя поковыряться! Впрочем, отдельным особям последнее идет только на пользу...

Олег стоял навтыяжку в центре вмонтированного прямо в пол каменного круга и старательно делал вид, что его тут нет. Обследование нового рекрута по большей части напоминало обычный медицинский осмотр, только в колонии строгого режима. На стенах решетки, у персонала на поясе в обязательном порядке висит кобура, а от специалиста к специалисту парню приходилось ходить под чуткими и внимательными взглядами охраняющих сей пункт сторожевых псов... Или волков... А может быть, даже оборотней. Юноша

затруднялся сказать, кем именно являются большие мохнатые собаковидные создания, лежащие тут на каждом углу. Однако габаритами они человеку уступали совсем не сильно, да и провожающие юношу глаза выглядели слишком уж умными. Хлопнула дверь, и в помещение вошел еще один обитатель Североспасского училища. Судя по черной форме, усиленной стальными пластинами и весьма напоминающей доспехи, а также длинному мечу на поясе, к когорте медиков он не относился.

– Ну и что за отребье мне хотят подсунуть на сей раз? – мрачно осведомился маг-наставник Сергей Свиридов, созерцая то дело очередного кадета, то его самого. О том, кем является мускулистый мужчина с давно не мытыми серыми волосами, ножнами на поясе, висящим за плечами длинным посохом и не бритой дней пять щетиной, свидетельствовал самого обычного вида бейджик, прилепленный к груди. Североспасское магическое училище было достаточно большим местом, чтобы весь персонал не мог запомнить друг друга в лицо. Собственно, сам Олег назвал бы этот комплекс зданий даже не монастырем или крепостью, а скорее каким-то закрытым городом. Обнесенным, кстати, десятиметровой каменной стеной по всему многокилометровому периметру. Ничего похожего в своей Москве он раньше не видел. Да, впрочем, и облик столицы России от привычного ему вида сильно отличался. Не было домов выше семи этажей и телевышек. Вообще больших и красивых зданий имелось как-то маловато, а вот кривобоких одноэтажных халуп самого деревенского вида хватало. По широким улицам, где о правилах дорожного движения явно не слышали, катались кареты, влекомые как живыми, так и механическими лошадьми. По тротуарам, помимо железных андроидов и обычных горожан, ходили персоны настолько странного облика, что некоторых из них подросток предварительно отнес к нелюдям. Или инопланетянам. А над головой регулярно пролетали туда-сюда дирижабли разных форм, размеров и расцветок. – И как скоро оно подохнет?

Ничего хорошего от новичка маг-наставник явно не ждал. Впрочем, у рекрута были столь же плохие предчувствия. Олег смог немного разузнать у конвоировавшего его вчера к месту будущей службы Бонифация об этом заведении. Ну и послушал то, о чем говорили другие юноши, ночевавшие в чем-то вроде гостевых покоев. Туда запихивали тех, кто еще не прошел распределения в ту или иную учебную группу или заслужил нечто вроде отпуска от суровых казарменных условий. Услышанное ему не понравилось. Впрочем, и в глубокую панику тоже не ввергло. Государственное училище, в котором парню приходилось тянуть свою лямку, готовило боевых колдунов самого низшего ранга. Фактически то же пушечное мясо, редко выдерживающее больше нескольких настоящих боев. Но все же оно живет чуть больше и лучше,

чем обычные рядовые солдаты, которые могут и дожить до пенсии, и выбиться в офицеры. Однако пугать десятилетием службы человека, который лишь недавно собирался медленно умирать прикованным к постели бревном на обгаженных им же самим больничных простынях... Пф-ф! Ради возможности ходить, двигаться да и вообще жить полноценной жизнью Олег мог стерпеть и не такое. И пускай в мире, напоминающем привычную ему реальность далеко не во всем, хватало опасностей и проблем... Оправившийся от побоев благодаря целительной магии юноша был готов смотреть в будущее с осторожным оптимизмом. Ему всего-то стоило не быть самым тупым из своих собратьев по военному училищу, чтобы избежать большинства проблем. А если еще учесть существующий в этой стране сословный строй и малую образованность девяноста процентов населения, данная задача не выглядела невыполнимой.

Хотя структура и внутренний уклад государства пока еще оставались для него по большей части загадкой, некоторые особенности местных порядков Олег уже для себя уяснил. Сословные различия сильно осложняли жизнь тем, кому не повезло родиться вне аристократии. А заметно уступающий привычному уровню технического развития отлично компенсировался использованием в разного рода механизмах самой настоящей магии. Малоценных волшебников для армии набирали из тех людей, потерю которых Российская империя переживала без особых проблем. Крестьян, молодых преступников, немногочисленных рабов, отданных хозяевами в уплату долга государству, пойманных на горячем царской охранкой вольнодумцев. Когда не хватало добровольцев, а так было почти всегда, вербовщики начинали действовать грубо. Лишь бы у попавших в их зону видимости людей имелся хоть какой-то дар к сотворению заклинаний. А пользоваться им этих отбросов общества научат. И верность престолу обеспечат: магическим клеймом-печатью, которое может причинить дикую боль или даже убить на месте.

У самого Олега такое уже жутко ныло на задней части шеи, свидетельствуя о прорастании чужеродной энергетической структуры в ауру юноши. Ну, во всяком случае, нечто подобное говорили местные маги-медики, обследовавшие нового обитателя Североспасского магического училища. Такие же рекруты, как и он сам, они под присмотром старших коллег пытались выяснить об Олеге все, что только можно. От них парень узнал много интересного об ожогах, оставленных неким «смарагдовым» пламенем. Его порадовали новостями о возможности регенерировать поврежденные участки тела. Однако после поражения подобными чарами трудиться над ним следовало целителю в ранге мастера не меньше полумесяца. Еще учащиеся пытались замерить магический дар своего нового коллеги по училищу,

но безбожно путались в цифрах и коэффициентах. Начальство выслушало их мнения, а потом махнуло рукой и велело писать в документы расплывчатую фразу: «Чуть ниже среднего». По его словам, точные значения в самом начале обучения замерять было бессмысленно. Начинаящий боевой чародей обязательно подтянется до минимального уровня... Или отправится на кладбище. А когда перестанет быть новичком и станет нуждаться в точном знании своих возможностей, он уже давно покинет эти стены.

– Наговариваете вы на парня, Сергей Степанович. Он обязательно выживет. Даже сможет ограниченно подвергаться тем издевательствам, которые вы зовете тренировками, уже дня через два-три. Мальчик хорошо перенес наложение магической печати. Хотя состояние, в котором его к нам привезли, было далеко от нормального. – Маг-медик училища Дмитрий Чернобуров, выглядящий довольно крепким и сохранившим в почти первозданном виде свою шевелюру старичком лет семидесяти, являлся первоклассным профессионалом. И очень добрым на вид человеком. – Отсутствие ноги и глаза – серьезный недостаток. И увы, вряд ли он будет когда-нибудь исправлен в стенах нашего училища. Однако все с молодым человеком в порядке, если не обращать внимания на непригодность к маршировке на плацу. В целом пациент здоров, не слишком стар или молод, психика удивительно крепкая. Родовых проклятий или наследственных заболеваний не имеет. Задатки к колдовству, правда, чуть ниже среднего. Но из безногого чудо-богатыря все равно не вылепить. А водителю голема, связисту, целителю или артефактору можно и на протезах побегать.

– Ну да, в возможностях инвалидов вести активную жизнь вы понимаете много. – Маг-наставник задумчиво скорчил брезгливую гримасу. Правда, предназначалась она, похоже, не столько кадету, сколько пожилому медику. – От вас, наверное, во время службы в палачах царской охраны безногие вскачь убегали. А еще и безрукие улетали посредством перемещения самих себя в пространстве одной лишь силой мысли.

– Работал я не палачом охраны, а дознавателем отделения по охране общественной безопасности и порядка. Это раз. – Тихий и спокойный человек с печальными глазами щелкнул пальцами, и проводивших практическое занятие на Олеге курсантов словно корова языком слизнула. – И, между прочим, уж не вам бы, Сергей Степанович, корчить из себя неоправданно обвиненного диссидента. Ошибки в действиях, из-за которых вы провели полтора года на свежем воздухе, не было никакой. Знакомства с неблагонадежными лицами

и хранение у себя дома запрещенной литературы до добра не доводят. Это два. И вообще, свои претензии можете высказать батюшке на исповеди. А со мной извольте вести себя как минимум профессионально. Например, для начала доложить о том, берете ли вы этого рекрута в свою группу. И если нет, то почему.

– Очередной калека, – вздохнул Свиридов, бросая на Олега пристальный взгляд. – Эх... Вот разве можно с вами по-доброму? Я ведь который год уже заваливаю все инстанции прошениями подобрать мне группу таких подростков, чтобы хотя бы один из них имел шансы стать личным учеником. А наставлять приходится либо калек, либо идиотов, либо ссыльных с такими фамилиями, что они меня сами чему хочешь научат.

– Да, для того чтобы получить так желанный вами пятый ранг, сопровождающийся наследным дворянством, боевому магу требуется воспитать хотя бы пятерых преемников, – понимающе кивнул бывший служащий охраны... Хотя, скорее всего, такие персоны, как и всякие представители разнообразных спецслужб, бывшими не могут быть по определению. – Но разве это моя вина, что лишь один из заявленных вами в качестве ученика воспитанников все же добился успеха? Ведь требования к ним предъявляют совсем не сложные. Чтобы помочь своему учителю, они всего лишь должны оказаться награжденными орденом за какой-нибудь подвиг. Ну или выдержать крайне непростой экзамен на звание адепта.

– Ну да. Всего-то! Только сделать подобное вчерашним крестьянам, зачастую неполноценным физически, чуть ли не сложнее, чем удельному татарскому князьку сесть на трон Австро-Венгерской империи. Или нет! Не изменяя мусульманскому вероисповеданию, стать папой римским! – скептически фыркнул маг-наставник, у которого лишь один из воспитанников оправдал надежды. И получается, все же сделал невозможное. – Неужели министерство магов и кудесников задалось целью превратить волшебников земли русской в цирк? В нашем училище в этом году учатся уже примерно полторы сотни уродцев, которые потеряли конечности или иные ценные для нормального существования органы. Представляю, какой грозной силой они станут, когда выпустятся. Враги просто попадают с ног, когда как следует разглядят это сборище человеческих обрубков.

– У большинства из них травмы излечимы, если за дело возьмется медик не ниже пятого ранга. Правда, вряд ли больше трех-четырех счастливых случаев сумеют

скопить нужную сумму для оплаты услуг такого профессионала быстрее, чем лет за двадцать – тридцать, – пожал плечами штатный лекарь. – Ведь сам я едва-едва дотягиваю до третьего. И такой степенью постижения целительного волшебства могут похвастаться очень немногие счастливики.

– Ну да, решившего сменить работу палача с ходу возьмут в любой госпиталь. И мигом придадут ему трех-четырёх подчиненных, чтобы те перенимали мудрость старшего поколения, – понимающе покивал маг Свиридов, явно старающийся уязвить собеседника побольнее. – Правда, вряд ли эти счастливики будут довольны подобным наставником... А некоторые и вовсе могут усмотреть в этом оскорбление своей чести...

– Эх, знал бы ты, Сергей, как смешны твои потуги тому, кто выслушивал многочасовые речи профессиональных шпионов, с их особой подготовкой, или пламенных революционеров, способных по фанатизму дать фору большинству святых. – В голосе главного лекаря так и не появилось раздражения. Да и до ответных подколов или даже угроз он не опустился. Зато ясно сквозящее в его словах снисхождение заставило мага-наставника покраснеть от еле сдерживаемого гнева. – И вообще, Сергей, ты излишне пессимистичен. Физические увечья ничуть не мешают делать карьеру, если есть ясный ум и твердая воля. Мой бывший начальник, титулярный советник Петров, оглох в бою. Из-за чего, собственно, и ушел в свое время из армии. Попал под какую-то пакость, поразившую некрозом ему едва ли не половину мозга. Если бы вовремя стазиса не наложили, вообще бы умер. Такие травмы не лечатся в принципе, поскольку если попытаться воздействовать на поврежденные участки, то уснувшее было проклятие вновь активизируется. И ничего, отсутствие привычных органов чувств не помешало ему сделать дальнейшую карьеру и стать одним из лучших офицеров на службе Отечеству.

– Если бы не дефицит кадров, образовавшийся после того, как мы едва отбросили врагов от Петербурга, его бы точно пнули под зад! – сверкнул черными глазами Сергей Степанович.

– Возможно, вы и правы, – внезапно согласился с ним Чернобуров. – Но что поделывать? Три мировые войны и революция в начале прошлого века сильно подкосили нашу страну. Боярские роды обескровлены, служилые династии выбиты едва ли не полностью. Большинство крупных городов минимум дважды отстраивалось почти с нуля. Министерство магов и кудесников ведет очень правильную политику, одобренную его величеством. Мы не можем позволить

себе такого расточительства. Важен каждый из обладателей дара. Пускай даже часть из них будет в чем-то где-то как-то неполноценна.

Взгляды взрослых чародеев скрестились на Олеге, старательно изображающем из себя столбик. Парень поежился, буквально чувствуя, как его обшаривают пристальным взором сразу две пары очень внимательных глаз.

– Почему молчим как сыч? – требовательно спросил маг-наставник. – Сказать нечего? Или у тебя еще и языка нет? Парень, если так, ты не стесняйся, помычи. Я пойму.

– Что нужно, вы мне скажете, – осторожно ответил Олег, который никак не мог определиться с правильной линией поведения. И потому решил вести себя в соответствии с заветами Петра Первого, по которым солдат должен был иметь вид лихой и придурковатый. Благо с последним у молодого человека, принудительно зачисленного в ряды вооруженных сил Российской империи, особых проблем теперь быть не могло. Главное, чтобы поселившиеся в его душе изумление и шок не создали о парне впечатление полного дауна. – А непонятное потом выясню у тех учащих, кто окажется рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Шибеница – виселица.

Байстрюк – незаконнорожденный.

Купить: https://tellnovel.com/ru/myasoedov_vladimir/ved-mak-dvadcat-tret-ego-veka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)